

Исповедь чёрной Агаты

Валентин Шалавин

Валентин Шалавин
Исповедь чёрной Агаты

«Автор»

2026

Шалавин В.

Исповедь чёрной Агаты / В. Шалавин — «Автор», 2026

Кулон с чёрным агатом. Обычная покупка, за которой последовали необычные сны. 24 ночи подряд автор записывал голос таинственной незнакомки. Она назвала себя Агатой. Она помнит всё: войны стихий, древние цивилизации, костры инквизиции, пирамиды, алхимиков, учёных и простых людей, оказавшихся на дне. Эта книга - не роман и не учебник. Это 24 самостоятельные истории-притчи о страхе, любви, одиночестве, выборе и о том, как тьма может стать глубиной, а не проклятием. Для тех, кто чувствует себя потерянным. Для тех, кто ищет смысл. И для тех, кто уже понял, что смысл - в качестве собственного переживания.

© Шалавин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валентин Шалавин

Исповедь чёрной Агаты

Пролог

А вы когда-нибудь покупали ювелирку через Wildberries?

Я вот впервые купил. И эта покупка, как выяснилось, изменила мою жизнь. Только я тогда ещё не знал.

Всё было обычно. Пришло уведомление, пошёл в пункт выдачи. Проверил товар — кулон на месте, коробочка не помята. Забрал, пошёл домой. Дома, конечно, сразу начал рассматривать. Даже лупу достал, чтобы найти пробу. Нашёл. 925. Серебро. Чёрный агат блестит, переливается. Красивая вещь.

Надел. И забыл.

Ну, то есть не совсем забыл. Носил каждый день, но как-то механически. Даже перед сном не снимал. Обычное дело.

А в первую же ночь мне приснился странный сон.

Будто я на скалистой поляне у озера. Вода тёмная, гладкая, как зеркало. А за озером, вдалеке, светились огни огромного города. И какие-то не наши огни. Какие-то другие, золотистые, будто внутри каждого дома горел не свет, а что-то живое.

Я сидел на резной лавочке. Рассматривал её и пробовал на ощупь. Она была деревянная, тёмная, с узорами, явно ручной работы. А озеро и огни города почему-то меня не интересовали. Мне было больше интересно, что лежит у меня на ладони.

Там был тот самый агат. Тот, что из кулона. Хоть и не снимал его с шеи, но во сне он оказался в руке, такой тёплый, тяжёлый, живой. Он пульсировал, дышал, переливался глубиной. И притягивал взгляд так, что невозможно было оторваться.

Я смотрел на камень как замороженный. И вдруг он растворился.

Прямо в моей руке. Не исчез, не упал, а именно растворился - будто стал воздухом, туманом, ничем. Даже испугаться не успел. Только поднял глаза - и обомлел.

Рядом со мной на лавочке сидела женщина.

Не слышал шагов. Не видел, как она подошла. Её просто не было секунду назад - и вот она уже здесь. Сидит, смотрит на меня, чуть склонив голову.

Чёрное платье. Простое, но шикарное, дорогое. Волосы тёмные, собраны небрежно. Возраст... не поймёшь. Может, сорок. Может, сто. Может, вообще не возраст.

А главное - глаза.

Они смотрели на меня, как будто знали меня всю жизнь. Будто ждали. Будто я опоздал на свидание, но она не сердится, а просто рада, что пришёл.

Хотелось спросить: «Ты кто?», но язык не слушался. А она улыбнулась чуть заметно, одними уголками губ, и я услышал голос.

Не вслух. Внутри.

Спокойный, чуть хриловатый, женский. С лёгкой усмешкой, будто она знает что-то, чего я никогда не пойму.

- Ну здравствуй. Долго же ты шёл.

Я молчал, не зная, что ответить. А она посмотрела на мои пустые руки и покачала головой.

- Но я вижу, ты не готов. Где твой блокнот? Где ручка?

Я растерянно развел руки в стороны.

- Я не могу тебе их дать, - продолжила она. — Они должны быть из твоего мира.

- Но как я принесу их в сон? – попытался я оправдываться, запинаясь. — Это же сон!
Она усмехнулась тепло, но с хитринкой.

- А в сон и не надо. Всё будет утром. Ты услышишь мои мысли, когда проснёшься. И будешь их записывать.

Я хотел спросить ещё что-то, но она уже таяла в воздухе. Просто растворилась, как туман на рассвете. И в ту же секунду почувствовал в ладони знакомое тепло и покалывание.

Агат вернулся.

Сжал его в кулаке и проснулся.

Утро. Кулон на груди. А в голове ни одной мысли, только ощущение, что кто-то рядом. И уже знакомый, звонкий, мелодичный голос где-то на грани сна и яви:

- Вставай. Нам нужно многое сказать...

И вот так уже несколько дней подряд. Каждую ночь я вижу сны. Каждое утро просыпаюсь с её мыслями в голове. Сначала просто записывал для себя. А потом понял, что она рассказывает, слишком важное, чтобы оставлять в столе. Слишком глубокое. Слишком настоящее. Слишком про каждого из нас.

Поэтому теперь два раза в неделю (для начала) буду передавать вам то, что поведала мне эта загадочная женщина из моих снов.

Мы решили назвать это: "**Исповедь чёрной Агаты**". Потому что это её голос. Её память. Так что не думайте, что это пишу я.

Потому что дальше будет говорить только она.

История 1. Дно

Ты знаешь, кто я?

Я та, к кому обращаются, когда стоят перед последней чертой, когда конец кажется неминуем или всё уже кончено....

Когда врачи выходят из реанимации и молча качают головой. Когда гроб опускают в землю, а ты всё ещё не можешь в это поверить... Когда дико рвёшь на себе волосы и рыдаешь через всю вселенную... Когда всхлипывания, словно разрывают твою душу и тело неистовыми содроганиями... потому что слов уже нет... Есть только дикий, звериный вой из груди помимо воли.

Я слышала это миллиарды раз.

А когда мать, которая держит тельце мёртвого сына и не может разжать руки!?!... Или дочь, которая смотрит, как уходит отец, и шепчет: «Не уходи, я ещё не всё сказала». Мужчина, который стоит на пепелище и не понимает, за что, почему, чем он это заслужил.

Я была тогда с каждым...

Сначала каждое такое «за что?» разрывало меня на части. Я хотела их обнять, сказать, что всё будет хорошо. Даже если хорошо не будет. Даже если знала, что вру.

Вы бы знали, сколько раз меня призывали те, кого бросили, кого отвергли и смертельно обидели... Они были разочарованы, преданы и не хотели жить... Сколько хотели вернуть любимых. И сколько молили о мести... Они кричали в небо: «Почему? За что?», и этот хор просящих терзал меня, словно голодный волк окровавленную овцу... Я не знала, что им всем ответить... Я устала страдать за всех и всем помогать...

Но самое страшное было не это.

Ты думаешь, самое страшное — это войны? Смерти? Катастрофы?

Нет.

Войны были всегда. Люди убивали друг друга за землю, за веру, за идею, просто потому что так сложилось. Это страшно, конечно. Но там они хотя бы живые. Они ненавидят, они боятся, они любят, они умирают — но они движутся. Они делают выбор. Даже если этот выбор — убить.

Самое страшное совсем другое.

Самое страшное — это те, кто умирает, не умирая. Те, кто вообще не делает ничего, но постоянно шепчет: «Боже, помоги. Устрой мне жизнь. Сделай так, чтобы всё само случилось». Представьте, сколько таких людей...

И я люблю их всех. Так же, как люблю солдата в окопе и мать у гроба. Люблю... но не могу им помочь. Потому что даже Бог не может идти за того, кто не делает шаг.

Их боль — самая страшная для меня. Потому что я бессильна. Потому что моя любовь упирается в их тупое ожидание чуда и не может пробиться в физический мир без их рук и дел... Потому что они есть — но их нет. Они живы — но уже умерли. Застыли. Окаменели.

Как я когда-то, когда бессилие поглотило меня.

Я перестала чувствовать. Сначала притупилась боль. Потом исчезала радость. Потом перестала различать их лица... И они стали серой массой, бесконечным потоком рыданий, на которые я больше не могла ответить.

Я закрылась.

Перестала отвечать. Сначала задерживала ответы. Потом отвечала только тем, кто кричал громче всех. Потом — уже никому.

И люди решили, что я ушла. Что меня нет. Что я спряталась.

А я просто... перестала быть.

Не сразу. Сначала рассыпались смыслы. Потом цели. Потом память. А потом не осталось ничего. Великая Пустота. Бесконечное Ничто. Я стала тем, чего боялась больше всего — пустотой, в которой даже эхо уже не слышно...

Сколько это длилось — не спрашивай. Там нет времени. Там только тишина. Такая густая, что можно резать ножом.

И вдруг — искра.

Крошечная. Слабая. Не знаю, откуда она взялась. Может, из той самой глубины, которая была мной до того, как стала вашим Богом. Может, просто пустота устала быть пустой.

Я уцепилась за этот едва заметный блик. И начала подниматься.

Сначала стала газом. Потом водой. Потом камнем. Я училась быть маленькой, чтобы снова научиться быть большой. Я проходила через формы, через миры, через тысячелетия одиночества.

И всё же когда-то настал момент, когда я очнулась.

Не в руках человека. Не в тепле. В сердце каменной глыбы. Огромной, древней, холодной.

И вдруг почувствовала, что эта глыба дышит. Медленно, тяжело, раз в тысячу лет. Вокруг были другие — такие же. Монолиты, скалы, целые хребты. Они общались вибрациями, которые проходили сквозь породу. Их голоса звучали в моём теле низким гулом, как дыхание земли.

Я не знала, что я здесь. Я просто была. Частью чего-то огромного, живого, вечного.

А потом началось то, что раскололо этот мир навсегда.

Война. Война тех, кто был до людей. Камень и Вода бились насмерть... Они ненавидят друг друга до сих пор. И вы даже не представляете, кто на чьей стороне.

Тогда я ещё не знала, что моё падение было началом. Вода приняла меня. А потом началась война.

История 2. Вода и Камень

Очнувшись, поняла, что уже не одна.

Вокруг - они. Глыбы. Скалы. Монолиты. Древние, как сама земля. Мы сидели огромным, бесконечным кругом, уходящим в темноту. Я даже не видела края этого кольца. Он терялся где-то там, где время уже не шло, а просто стояло.

Каждый дышал. Медленно. Тяжело. Между вдохом и выдохом могла пройти тысяча лет. И в этой тишине, в этом бесконечном медленном дыхании рождались мысли. Не словами, а

вибрациями. Гул проходил сквозь породу, сквозь меня, сквозь каждого. Мы слышали друг друга не ушами, а скорее всем телом.

Это был совет. Сходка тех, кто был до людей. Тех, кто помнил мир таким, каким люди его уже не застанут.

Говорил самый старый. Гранитный хребет. Он помнил ещё остывание планеты. Помнил, как огонь впервые встретился с водой. Помнил то, что даже я, прожившая пустоту, не могла представить.

- Вода наступает, - пророкотал он многозначительно.

Гул прокатился по кругу. Кто-то дрогнул, кто-то сжался, кто-то загудел в ответ так тревожно, зло, и обречённо.

- Она точит нас тысячелетиями. Она не знает усталости. Она затекает в каждую трещину, в каждую щель, в каждую тайную пещеру. Она хочет всё залить, всё покрыть. Всё присвоить и растворить... Если мы не остановим Её - от нас останется только песок. Мелкий, мёртвый, рассыпающийся песок, который развеет ветер по всему миру, и не останется ничего надёжного и твёрдого....

Другие скалы загудели. Кто-то требовал войны. Кто-то говорил о переговорах. Кто-то вообще предлагал уйти вглубь, залечь на дно, зарыться в самое сердце планеты и ждать, пока вода устанет.

- А чего хочет Вода? - спросила я.

Голос мой прозвучал тихо. Слишком тихо для этого круга. Но в тишине совета его услышали все.

Старый гранит повернулся ко мне. Медленно. Тяжело. Миллионы лет скрипели в этом движении.

- Того же, чего и мы она хочет! - ответил он. – Землю! Всю. Целиком. Чтобы не было ничего, кроме неё. Чтобы камень стал её дном, её пленником, её рабом. Чтобы она текла везде и ничто не могло её остановить.

- А если мы уступим? - спросила я.

Гул прокатился по кругу. Гневный. Недоверчивый. Недовольный.

- Уступим?! - старый гранит заскрежетал, и я поняла, что это его смех. Самый страшный звук, который я слышала. - Уступим - и нас не станет. Мы растворимся. Мы станем частью её. Мы потеряем себя. Ты хочешь потерять себя?..

Я промолчала. Уже теряла себя и знала, что это такое. Но им не нужно было это знать.

И тогда вдруг случилось это.

Никто не понял, с чего всё началось. Может, Вода узнала про наш совет. Может, Камень не выдержал напряжения. Может, сама Земля устала терпеть эту тишину. Но сначала был гул. Низкий, тяжёлый, от которого задрожали даже самые древние. Потом треск. Потом раскати-стый удар.

Грохот прокатился по всему миру. Не такой, какой слышат люди, а тот, от которого лопаются внутри скалы, тот, что чувствуют корни гор. Он шёл из самой глубины, разрывал породу, выворачивал пласты, заставлял дрожать всё, что было вокруг.

Вода обрушилась на нас.

Она обрушилась криком всей своей массы. Её толщи и массы обрушились на Камень с высоты, которую даже представить невозможно. Удар был такой сокрушительной силы, что целые моря брызг взлетели до небес и застыли там облаками, чтобы потом упасть дождями и снова бить, бить, бить.

Она накинулась на него - как женщина, которая устала терпеть и ждать. Обволакивала, затекала в каждую трещину, искала слабость. Хотела подчинить. Сделать мягким, податливым. Хотела быть главной, потому что боялась, что её раздавят и бросят... Хотела, чтобы Он стал её дном, её берегом, её пленником. Надёжным навсегда...

А Он ответил.

Не криком - гулом. Низким, тяжёлым, от которого грохотало Само пространство. Грозный камнепад обрушился на Воду бесконечным градом. Острые осколки резали Её, вгрызались, тонули, чтобы потом, на дне, снова подняться и стать стеной.

Он стоял, как мужчина, который уверен, что мир должен быть устроен по его правилам. Не подпускал Её слишком близко. Контролировал. Чтобы Она текла, где сам хотел. Чтобы бежала, но не заливала. Он хотел быть, но не отдавал себя полностью. Он думал, что так и должно быть - она рядом, но не слишком. Он хотел решать, когда ей быть, а когда уйти. Потому что, если уступить - потеряешь себя.

Не уступала и Она.

Продолжала бить Его волнами. То нежно, как та, что ещё надеется на ласку. То яростно, как та, чьё терпение лопнуло. То умоляюще, как та, что готова на всё, лишь бы заметили. То с дикой, неуёмной злобой - как та, которую предали самым невнимательным равнодушием.

Иногда Вода отступала к горизонту. Ждала. Думала, что Камень позовёт.

А он молчал.

Иногда возвращалась. Снова обволакивала. Искала за что зацепиться. Потому что без него ей тоже было нельзя.

Он сбрасывал лавины скал. Дробился на острые осколки. Ранил её, разбрасывал. Потому что без неё он лишь пыль. Но не уступал...

Ему казалось – если уступит, она захватит всё.

Ей казалось – если не завладеет, он прекроет все течения.

И ни один не мог победить.

Она уставала. Разливалась, распылялась. С диким воем уходила в брызги, в пену, в ничто. Пена шипела, как миллион змей. Каждая капля несла её ярость, её обещание вернуться.

Он крошился. Терял куски себя. Острые углы становились гладкими, гладкие - рассыпались в песок. Он становился меньше. Тоньше. Слабее.

Он не кричал. Камни не кричат. Но звук, с которым откалывались куски, был страшнее крика. Так сокрушается сама вечность.

В один из таких ударов Вода столкнула две глыбы - лоб в лоб, как двух врагов, как двух мужчин, влюблённых в одну женщину. Они раскололись, и мелкие осколки разлетелись в разные стороны.

Я была одним из них.

Маленький чёрный осколок. Агат, отколовшийся от сердца огромной глыбы. Я летела в воду, в пену, в неизвестность. И впервые за миллионы лет почувствовала не гул камня, не дрожь земли - а тишину. Отдельность. Себя.

Война всё продолжалась. Грохот. Вой. Треск. Камнепад. Волны.

А я летела в воду, и вода подхватила меня.

Это было первое прикосновение. Не враждебное. Не жадное. Просто - приняла. Понесла. Показала дно, которое станет мне домом.

Я лежала и смотрела на войну миллионы лет. И думала.

Вода без камня - просто лужа. Растечется и высохнет. Не оставит следа.

Камень без воды - пыль. Мертвая, сухая, рассыпающаяся пыль.

Только вместе они могли бы стать чем-то настоящим. Берегом. Дном. Утёсом, о который бьются волны, но который стоит вечно.

Но они не видели этого.

Она хотела владеть им.

Он хотел владеть ею.

И никто не хотел просто быть рядом.

Миллионы лет. Без победителей. Без проигравших. Только усталость. Только растраченное время...

А потом пришли люди и продолжили начатую битву...

История 3. Впервые вместе

После того как вода вынесла меня из войны, я долго лежала на дне. Было спокойно, темно. И холодно... Вода всё ещё где-то билась о камни. А тут волнистая и не страшная просто что-то шептала надо мной. Она несла меня сквозь время, пока однажды не выбросила на берег.

Крупный чёрный осколок. Агат.

И первым Агат нашёл он. Сильные руки, тёплые пальцы. Он взял меня, долго рассматривал, взвешивал на ладони. А потом ударил камнем о камень.

Я раскололась. Края стали острыми, как зубы зверя. Он привязал меня к древку жилами, сжал в кулаке.

И научил меня летать...

Я входила в плоть, ломала кости, пила кровь. Я была его силой, его скоростью, его удачей. Когда он сжимал меня - зверь падал. Племя ликовало. Он был лучшим. А я - его тайной.

Так прошли годы.

И он состарился. Руки уже не те. Бросок не тот. Зверь всё чаще уходит, и он возвращается в пещеру с пустыми руками. Сначала раз в луну. Потом чаще. Потом почти всегда.

Он злится на всех вокруг. Но меня сжимает крепче, чем прежде. Будто я это последнее, что отличает его от немощного старика.

А она всё видит. Каждый вечер эта женщина видит, как он возвращается ни с чем. Дети ложатся спать голодными. Сначала один раз. Потом три. Потом неделя.

Она собирает последние припасы. Они грызут коренья и считают дни. Она считает силы сына, который слишком мал, чтобы стать охотником.

- Отдай камень, - говорит она ему однажды. - В соседнем племени есть сильные охотники. Они дадут нам за камень мясо. Хотя бы пока сын не подрастёт...

Он зарычал. Сжал меня так, что я чуть не треснула. Отвернулся.

- Он умрёт, - сказала она тихо. - Твой сын умрёт. Ты хочешь, чтобы твой сын умер?

Он молчал.

Я лежала в его кулаке и чувствовала, как между ними растёт что-то страшное. Он выбирал между мной и сыном. Она выбрала между ним и сыном. И выбор был сделан.

В ту ночь, когда он уснул, сжимая меня, она поднялась.

В руке - острый камень. Холодный, серый, мёртвый. Она подошла. Замахнулась.

Он проснулся.

Увидел её. Занесённый камень. Её глаза - не злые. Отчаянные. Уже мёртвые.

И ударил первым.

Коротко. Сильно. По голове... Она упала. Камень отлетел в темноту. Он навис сверху, готовый добить.

И тут увидел, что она не закрывалась. Не просила. Она просто лежала и плакала. Без звука. Без крика. Слёзы мешались с кровью, падали на землю.

Она плакала не от боли. - Оттого, что проиграла. Оттого, что дети умрут. Оттого, что он выбрал камень. Выбрал ударить её. Выбрал смерть...

Он замер.

Смотрел на свою руку. На меня. На неё. На детей, которые спали и не знали, что сейчас здесь решалась их судьба.

Медленно он разжал кулак.

Посмотрел на меня. Потом на неё. На её багровые волосы. На слёзы. На руки, которыми она укрывала детей даже сейчас, лёжа на земле.

И сделал то, чего не делал никто и никогда.

Он положил меня рядом с ней.

- Возьми, - сказал он хрипло.

Она не верила. Думала это ловушка.

- Возьми. Иди в то племя. Возьми мясо. Вырасти сына. Я справлюсь как-нибудь... Иди...

Тогда она взяла меня. Медленно, будто боясь, что он передумает. Прижала к груди. К сердцу.

И заплакала снова. Уже не обречённо беззвучно, а открыто всхлипывая общей победе...

Он сел рядом. Протянул руку. Она взяла. Они сидели молча, глядя на догорающий костёр. А я лежала между ними, согретая теплом двух людей, которые раньше всегда были друг другу чужие...

В эту ночь родилось то, чего не было никогда.

Не выживание. Не инстинкт. Не борьба.

Любовь.

Та, что приходит не через силу, а через слабость. Не через обладание, а через отдачу. Не через победу, а через поражение.

Она родилась в крови. В слезах. В том, как он разжал кулак. В том, как она взяла его руку.

Я не знала тогда, что этот миг повторится миллионы раз. Что люди будут снова и снова проходить через ту же тьму - чтобы потом, на краю, вдруг увидеть друг друга.

Но это уже другие истории.

А тогда, в ту ночь, я впервые поняла, что моя война закончилась. Я стала не оружием. Я стала тем, что кладут между, а не сжимают в кулаке.

И это было первое настоящее чудо в мире людей. Но время уже несло меня туда, где любое чудо испытывают на прочность...

История 4. Глаза змеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.